

Донецкие рассказы

[Александр НИКОНОВ](#) - 14 апреля 2017

Body

«Мы больше не можем...», или Случай на блок-посту

После отхода основных сил ополчения из Славянска, которыми командовал известный командир под позывным «Стрелок», бойцы разведывательно-диверсионного взвода, прикрывавшие этот неожиданный маневр, отдыхали. Отдыхом это мероприятие для обычного человека можно назвать с усмешкой, потому что совсем неподалеку, километрах в двух, ещё ухали разрывы артиллерийских снарядов, доносился стрёкот автоматического оружия, в небо поднимались дымы соседней разбомблённой украинскими карателями деревни.

Сам блок-пост состоял из нагромождения разбитой военной техники на перекрёстке трёх дорог: танка, двух бэтээров и трёх военных грузовиков «Урал». Из прислоненной к танку выхлопной трубы «Урала» торчало древко флага самопровозглашённой Донецкой народной республики. Один из бэтээров ещё догорал, выплёвывая из бойниц и открытого люка смрадный чёрный столб гари, который волчком поднимался к белесому небу. Метрах в двадцати от дороги рядами лежали десятка полтора обезображенных смертью трупов, и не разобрать было, чьи это были бойцы: ополченцы или те, кто пришёл на Донецкую землю наводить свой порядок.

По всем приметам предстоял жаркий, в обычном смысле, день. Белесое небо, раскинувшееся над степью, даже в этот ранний час, уже дышало жаром. Ранние жаворонки разливали свою трель над полями, радуясь новому дню.

У танковых траков, прямо на земле, спали чумазые ополченцы, прижав к груди, словно младенцев, свои автоматы, пулемёты, РПГ, готовые в любой момент принять бой. Из кузова одного из автомобиля со спущенными колёсами и развороченным капотом доносился бодрый храп. Двое бодрствовали, лёжа на куче тряпья возле бэтээра, смолили сигареты и иногда поглядывали на дорогу. Один из них, курчавый, длинноносый, часто вздыхал, смеживал веки и, казалось, засыпал, но через какое-то время вздрагивал и снова

открывал глаза. Вот он потянулся, зевнул, похлопал себя по щекам и спросил товарища:

– Серёга, как ты думаешь, наши прошли?

Тот вздохнул:

– Пройти-то прошли – сам видел, интересно, сколько в живых осталось. – Снова вздохнул.
– Жалко, Славянск оставили. А хорошо мы там укроп покосили, а?

– Это да. Людей жалко, мирных, ведь эти сволочи, псы, начнут там мясную окрошку делать.

Товарищ вскинулся, хохотнул:

– А «Стрелок» молодец, вовремя чухнул, что нам крышку готовят. Если бы прикрыли наш котелок, точно бы из нас шашлычок или плов сготовили.

Курчавый взглянул на дорогу, привстал:

– Гляди-ка, Серёга, никак кто-то едет!

Второй встал на колени, повертел головой:

– Где, не вижу.

– А вон, за лесопосадкой, пыль поднимается – едет кто-то.

– Ага, вижу. Интересно, кто: укропы или наши?

– Хрен их знает. Буди командира. Эх, поспать по человечески не удалось.

Ополченец подошёл к грузовику, залез в кузов. Скоро храп прекратился, и вслед за Сергеем из кузова с тентом выпрыгнул плотный невысокий человек в камуфляжной форме, с «разгрузкой», рацией и биноклем на груди. Автомат висел на его правом плече. Командир посмотрел в ту сторону, где за лесопосадкой клубилась пыль, разомкнул широкие челюсти, покрытые густой рыжей щетиной:

– Видно, одиночка – пыли мало.

– Может, по нашу душу? – спросил курчавый.

– Сейчас посмотрим, – отозвался командир. – Иди-ка, толкни на всякий случай «Тетерю». Хрен знает, что у них на уме. И пусть эрпэгэ прихватит! – крикнул он уже вслед.

– А чего он по полю едет? – спросил курчавый.

Командир молчал, пристально вглядываясь через окуляр в поле, где вихрилась пыль. Рядом появился с заспанным, опухшим лицом «Тетеря» с трубой на плече.

– Чего растолкал, командир?

– Ты заряди выстрел, так, на всякий случай.

– Есть зарядить.

И тут все увидели, как метрах в четырёхстах, через прогал лесопосадки, проехала оранжевая «копейка», остановилась, затем пыхнула сизым дымом из выхлопной трубы и стала подниматься по откосу на шоссе. Вырулив на асфальтовое полотно, исковерканное тяжёлой техникой и покрытое оспинами от взрывов, снова остановилась. Курчавый предложил:

– Может, жахнем, командир? А то вдруг это укроповские эргэдэшники в гости заехали.

– Из Славянска едут. Интересно, кто это, наши вроде все вышли. Ты думаешь, разведывательно-диверсионная группа? – спросил неизвестно кого командир. – Это вряд ли. Хлопцы у них, конечно, подобраны смелые, – помнишь, мы с ними резались в городе? – но не бесшабашные. Подождём.

Ждать пришлось недолго: «копейка» тронулась и медленно стала приближаться к блок-посту. Чем ближе она подъезжала, тем отчетливее были видны развороченное левое крыло машины и торчащие из открытых окон дверей стволы оружия.

– Да они же с оружием! – не вытерпел на этот раз Сергей. – Может, предупредительный дать, командир?

– Ну, ладно, прострочи коротенькую, – разрешил командир. – Только не задень. Мало ли кто там.

Сергей снял автомат с предохранителя, щёлкнул затвором, досылая пулю в канал ствола, и дал по верху короткую очередь. Треск рассыпался в утреннем воздухе. Автомобиль вильнул в одну сторону, в другую, но затем снова поехал прямо.

– Да что же он, чёрт, на рожон прёт! – выругался «Тетеря».

– Странно, – подал голос командир, – ведь они же видят, чей это пост. Вон, флаг наш висит. Может, наши.

– А чего же они не обозначатся.

В этот момент подбежали несколько разбуженных выстрелами бойцов ополчения с всполошенными лицами, среди которых был плотный, низкорослый священник с банданой на голове и в короткой, обрезанной по колени рясе. На груди, под автоматом, на цепи болтался большой медный крест. Священник спросил:

– Чего пугаешь, командир? – народ разбудил.

– Да вот, батюшка, к нам незваные гости пожаловали, – показал он в сторону дороги. – Остальные-то как – спят?

– Спят – сильно умаялись, видать.

– Давай жахну, да всё, командир, – пробасил «Тетеря», глядя на приближающуюся машину. – Что-то рисковать неохота, может, подсада какая, а в машине мешка три тротила или гексагена. Сидит там смертничек, а как подъедет, взорвёт – и амба, братишки!

Курчавый ухмыльнулся:

– Хе, ну, ты сказанул, «Тетеря»! Вряд ли среди укропов найдётся хоть один шахид.

- Тебе бы только жахать, - укоризненно поддержал курчавого священник. - А там живые души. Сначала разобраться надо, а потом палить.

- Ага, они, кажется, сигнал какой-то подают.

И верно, все вдруг увидели, что в окнах появилось несколько рук, которые приветственно замахали ополченцам. До поста оставалось метров двадцать, когда машина дёрнулась, взвизгнула тормозами и остановилась. Левая дверца распахнулась, и из салона вышел худосочный, высокий парнишка в каске, с автоматом, в «разгрузке» и замахал рукой, крича при этом тонким, мальчишечьим, голосом:

- Эй, мы свои, не стреляйте! Мы свои!

- А ну, подойди сюда! - грозно приказал командир, и когда парнишка двинулся к заграждению, добавил: - Оружие-то оставь. И своим скажи, чтобы сидели смирно и не высывались. Понял?

Тот кивнул головой, сунул автомат в окошко, что-то сказал сидящим в машине и снова пошёл к посту. Подошёл, остановился перед командиром. На бледном лице дрожали тонкие губы и подёргивалась правая щека, но взгляд был твёрдым, даже вызывающим.

- Вы кто такие, что здесь делаете? - грозно спросил командир.

- Мы, мы, мы, - дрожащим голосом начал подросток, но так и не закончил фразы. Из глаз вдруг ручьём полились слёзы, губы заплясали. - Мы... хотели... помочь. Нашим помочь. Мы хотели помочь! Мы хотели помочь! - взвыл он.

Этот вой разбудил и остальных бойцов ополчения, они выползали из всех щелей, как тараканы: чумазые, израненные, в грязной, разномастной одежде. Зевали и недовольно ворчали, ругаясь:

- Ну, что за шум, а драки нету? Что за детский сад у нас завёлся.

Скоро они окружили мальчишку, внимательно разглядывая его и переговариваясь:

- Это что за чудо! Откуда он взялся? Пацан совсем.

- Ничего не понимаю, - недоумевал командир, - чем помочь, кому помочь. Перестань реветь! Ты хоть объясни толком!

Мальчишка неожиданно успокоился, долго обводил бойцов своими серыми глазами и вдруг, сглатывая слюну, неожиданно попросил:

- Воды бы. Я пить хочу.

Ополченцы зашумели:

- Он пить хочет! Дайте пацану глотнуть! Эй, у кого вода с собой есть!

Командир, посмотрев на дюжего парня с автоматом, спросил:

- «Битюг», у тебя там что-то осталось?

«Битюг» отозвался протодьяконовским басом:

- Найдём, командир, напоим мальчика.

Малец неожиданно заявил:

- Один я пить не буду. Позовите всех, из машины.

- А кто там?

- Там мои бойцы.

Кто-то хохотнул:

- Вот даёт пацан, оказывается, у него свои бойцы есть!

Командир повернулся к «Тетере»:

- Возьми двоих, приведи. Посмотрим, что там за орлы сидят. Да и оружие их собери и принеси сюда.

- Хорошо, «Сержант».

Трое ополченцев пошли к «копейке» с распахнутыми дверцами. Из машины вылез сначала один мальчик, потом второй, третий, четвёртый... А дети всё вылезали и вылезали. Среди них была и девочка лет четырнадцати. Четверо были ранены: один волочил ногу, второй держался за голову с кровавым колтуном волос, у двоих были окровавлены рубашки.

Один из ополченцев удивлённо воскликнул:

- Да они же раненные! Мужики, надо осмотреть их да перевязать, что ли. Сколько же вас?

- Нас девять человек осталось, - ответил подросток.

- Я только семерых насчитал, командир, - сказал курчавый. - Или я считать не умею. Остальные-то где? - спросил он подростка.

- Не знаю - они за нами ехали.

Наконец, все пассажиры вылезли и в сопровождении ополченцев двинулись к опорному пункту. Дети оказались в плотном окружении бойцов, которые не могли поверить, что вот эти худосочные подростки, некоторым из которых от силы было лет двенадцать, могли держать в руках оружие.

- «Битюг», напои бойцов, - мягко приказал «Сержант». - Да перевяжите им раны, а то подхватят инфекцию.

Ополченец с кличкой «Битюг» черпал из термоса пластмассовой кружкой воду и поочередно подавал её детям. Двое с санитарными сумками возились с ранеными. Другие, кто умиленно, кто серьёзно, кто с ласковым взглядом, смотрели на процедуру поения и молчали. Один из детей, мальчик с царапиной на щеке, попив, поднял головёнку и заявил:

- Я есть хочу.

Ополченцы забегали, стали доставать откуда-то сухпайки, чёрствые куски хлеба, сала, вскрывать консервы, открывать термосы.

Мальчишка лет тринадцати, конопатый, с обгорелым на солнце и уже облупившимся носом, то и дело поглядывал на священника, вдруг спросил:

– А вы поп?

Тот ласково посмотрел на мальчика, погладил его по выгоревшим до сединной белизны волосам:

– Я не поп, я священник, деточка. Зови меня отец Георгий. Меня тут все так называют. А тебя как родители назвали?

– Колька.

– Стало быть, Николаем. Святое имя. Крещёный ли ты?

– Да. У меня крестик есть. Вот он.

– Это хорошо. А знаешь ли ты про святого Николая-угодника?

– Знаю, – неожиданно признался Колька. – У нас икона такая есть. На неё бабушка моя всё время молится. А вы... вы тоже воюете?

– Да вот, пришлось, – вздохнул отец Георгий.

– А разве священникам можно воевать? – спросила девочка.

– Брать оружие в руки и убивать людей – это грех, милая моя. Да вот пришли враги на нашу землю, хотят веру нашу отобрать. Приходится защищать. Разрушили храм, в котором я служил. – Священник перекрестился широким крестом перед своим лицом. – Да и воевать мне уже приходилось – ещё в Афганистане. Так что я старый боец. Думаю, что бог простит нас всех, грешных, – за правое дело воюем.

Когда все дети поели, «Сержант» спросил «командира» детского подразделения:

– Как тебя звать?

– «Кошевой».

– Это фамилия твоя?

– Нет, это мой позывной.

– Так, понятно, значит, в «Молодую гвардию» решили поиграть. А как тебя родители звали?

– Славой, – признался подросток.

– Ну, вот что, Слава, рассказывай-ка всё по порядку. Да чтоб как на духу. Понял?

И мальчик начал рассказывать: неторопливо, морща лоб и глядя куда-то в пустоту, наверное, в своё недалёкое прошлое.

* * *

Слава, как и многие его сверстники, учился в школе, очередной майданной заварухой в

Киеве не интересовался, разве мало у шестнадцатилетнего подростка других интересов. Летом – это купание в Донце, поездки к прадедушке-фронтовику, рыбалка, помощь маме на даче. Иногда целыми днями он уходил вместе с отцом в гараж, который постоянно чинил и ремонтировал свою старую «ласточку», как он называл свои «Жигули» – копейку. Да ему и самому нравилось собирать и разбирать мотор, бортовать колёса, продувать карбюратор, менять тормозные колодки, пылесосить в салоне маленьким пылесосом «Шмелем».

Но однажды посреди ночи их семью разбудил страшный грохот, затем ещё и ещё.

– Гроза, что ли, – проворчала мать, поднимаясь с постели.

Но «гроза» не унималась. Отец долго смотрел в окно и, слушая грохот, вздохнул:

– Ну, мать, кажется, и к нам бандеровцы пришли.

– Какие бандеровцы?

– Скоро узнаешь. Из Киева самостийцы явились.

Через два дня в их небольшом городе появилась бронетехника – танки, бэтээры, бээмпэ, тягачи с артиллерийскими орудиями, грузовики с солдатами. На перекрёстках улиц и на въезде в город нацгвардейцы и правосеки строили блок-посты из бетонных блоков, автомобильных покрышек; в городе начались погромы, аресты активистов, которые готовили референдум о независимости. На площади и улицах проходили митинги и демонстрации с требованием провести референдум и вывести украинские войска из города. Появилось народное ополчение, которое разоружило милицию и захватило здание службы безопасности.

Слава со своими товарищами по двору шнырял среди толп народа, под одобрительные возгласы людей помогал вывешивать на здании администрации флаги России и самопровозглашённой республики, разбрасывал листовки. Блок-посты у города переходили от одной стороны к другой, люди своими телами перегораживали путь танкам и бэтээрам, когда те пытались ворваться в город. Всё это Слава переживал вместе с донбассцами, и всё это представлялось ему, хоть и взрослой, но игрой.

А после референдума о независимости, когда все города Донбасса ликовали от победы, началось и вовсе светопреставление. На блок-постах произошли первые боевые столкновения между плохо вооружёнными ополченцами и боевиками нацгвардии, которые под крики «Слава Украине – героям слава!» стреляли во всех подряд; люди рассказывали о первых жертвах среди мирного населения, о разрушенных домах на другом конце города. Неонацисты зверствовали, избивая людей и проводя аресты.

Мальчишки со двора, где жил Слава, рвались посмотреть на всё происходящее своими глазами, но родители удерживали их, словно молодых горячих жеребят, затаскивали в подвалы и грозили всеми карами, если они уйдут со двора. Отец Славы каждый день уходил на работу, а после возвращения домой мрачно молчал и скрипел зубами. Мать, которая работала продавщицей в небольшом продуктовом магазине, приносила новости одну мрачнее другой. Сидя за семейным столом по вечерам, она рассказывала:

– Сменщица моя собралась замуж. Я говорю: «Какая теперь свадьба, посмотри, что делается. Подождали бы» А она только смеётся. Приходили правосеки, требовали у нашего директора деньги на памятник «небесной сотни». Маша, моя сменщица, в Россию уезжает, боится, ведь у неё четверо детей. У Егоровых сноху забрали.

- За что? – спрашивал отец.

- Будто бы за агитацию, за предательство. А у вас на шахте что творится?

- Рубаем уголёк, чего же ещё. Хозяин пообещал прибавку, если мы на митинг не пойдём.

- А вы?

- А что мы! Нам деньги зарабатывать надо, семьи кормить. Вон, Ленка подрастает, ей скоро в школу идти – собирать надо, – кивнул он в сторону младшей дочери, которая наворачивала своё любимое картофельное пюре.

Услышав, что говорят о ней, семилетняя Лена спросила:

- А туфельки с пряжками, как у Золушки, мне купите?

Мать погладила её по волосам:

- Купим, купим, доченька.

- А платье?

- И платье купим, и портфель красивый, и книжки с картинками, и тетрадки. Лишь бы всё хорошо было, – вздохнула мама.

- Ура! – Леночка захлопала в ладошки. – Мне купят, мне купят! А тебе, Славка, ничего не купят.

Брат скорчил мину и высунул язык:

- Ленка-пенка, горелая гренка!

- Мама, чего он дразнится!

- Ну, хватит вам! – прекратила ссору мать. – Доедайте, и марш телевизор смотреть. А потом спать. – Она погрозила пальцем: – И чтобы со двора ни ногой! Слышите? Славик, ты меня слышишь?

- Да, слышу, слышу, не глухой, – пробурчал сын. – Я что, маленький, что ли, я уже в десятый класс скоро пойду.

- Вот-вот, сынок, – поддержал отец. – Ты уже взрослый. Так что присмотри за сестрой своей, чтобы она далеко не убежала от дома.

- Ладно, присмотрю.

Обстановка в городе накалялась: противоборствующие стороны обвиняли друг друга в предательстве, дрались, ходили на демонстрации и митинги. А войска Украины уже входили в города Донетчины, наводя свои порядки. Молодые правосеки и нацгвардейцы громили магазины, жгли автомобили, с металлическими прутьями в руках ходили по улицам и скандировали: «Москаляку – на гиляку!», «Чемодан-вокзал-Россия!», «Бандера – наш герой!», «Отомстим за небесную сотню!», «Сепоры – вон из Украины!». Скакали на улицах и площадях и орали: «Кто не скачет, тот москаль!»

- Вот козлы! – возмущался отец, приходя с работы. – Это мы-то террористы и сепаратисты,

недочеловеки! Сволочи! Да Донбасс всю Украину кормит, давно бы без нас побирались на европейских задворках и рылись в ихних помойках, быдло безмозглое. Они думают, что их Европа накормит и осчастливит!? Как же, держи карман шире! – кипятился он.

– Да что ты себе нервы-то треплешь! – успокаивала жена. – Поскачут-поскачут, да успокоятся. Мало ли у нас этих майданов было. И что? Одни олигархи уходят – другие приходят.

– Так-то так, только в прежние годы на танках не разъезжали. У нас вон двое уже собрались тикать, видно, почуяли, что жареным запахло.

– Кто это?

– Вилков из спассгруппы и Билыч из первого забоя.

– Ну, Вилков понятно – у него семеро по лавкам, да все годовики, а Билыч-то чего?

– Не знаю, ходит бирюком и молчит.

– А едут куда?

– Вилков, по слухам, на Ставропольщину – у него там женина родня, а Билыч будто бы на Галичину собрался.

– А-а-а, – злорадно протянула жена, – к своим, западэнцам, собрался.

Неожиданно она перекрестилась:

– Спаси и сохрани нас, Мать-Пресвятая Богородица. Может, утихнет всё.

– Дай-то бог.

Не утихло... Скоро начались настоящие бои. Артиллерия била по жилым кварталам, в небе появились боевые самолёты и вертолёты, которые ракетами бомбили блок-посты ополчения. В городе хоронили первых убитых, а больницы были переполнены ранеными. Отец, приходя с работы, грязно матерился и сквозь сжатые зубы цедил:

– Что делают сволочи. Армией на мирных людей! Да когда же, где это такое было. Вот гнусь проамериканская! Чего они добиваются? Чтобы мы начали говорить на их мове, чтобы мы поклонялись ихним Бандерам и Шухевичам? Да не будет этого никогда!

Скоро обстрелы стали настолько интенсивными, что жителям домов пришлось спускаться в подвалы. Некоторые квартиры опустели – жители пустились в бега. Однажды прибежала младшая сестра отца, у которой доживал свой век дедушка, с порога закричала:

– Гриша, возьми к себе дидусю! У нас ведь сховаться негде, нет ни погреба, ни подвала. А если, не дай бог, бомба на нас упадёт!

– А вы как же? – спросил отец.

– Да мы уж как-нибудь. У соседей, если что, схоронимся. Мы здоровые, а у дидка совсем ноги отказывают. Ну, как мы с ним!

Так прадедушка Славы, Тарас Семёнович, оказался у них в подвале. Отец нашёл два

тарных ящика, снял межкомнатную дверь, принёс матрацы, одеяла и устроил старику постель. Тот всё время прижимал к себе свою любимую правнучку Леночку, и когда наверху бомбили, приговаривал:

– Не бойся, дидятко, не бойся, моя ладунька, они нам ничего не сделают.

Девочка спрашивала:

– Дидуся, а зачем они нас бомбят, разве мы их обидели?

Тарас Семёнович тяжело вздыхал и отвечал:

– Нет, дитятко моё, это у взрослых такие игры. Они вроде как в войну играют. Поиграют-поиграют, и бросят.

Однажды, когда отец и мать были на работе, одна из женщин, которая тоже укрывалась в подвале с тремя малолетними детьми, попросила:

– Слава, милоч, сходи, прошу тебя, за водой. Кажется, изверги притомились – не бомбят. У нас питья не осталось. Только ты осторожнее там.

Слава был рад хоть ненадолго вылезти из подвала, увидел, что дедушка спит, рядом с ним Леночка играет в куклы. Он взял две пластиковые пятилитровые бутылки, вылез наверх и побежал на соседнюю улицу, в частный сектор, где находилась водоразборная колонка. Улицы были пустынные, дома с посечёнными осколками фасадами и окна с выбитыми стёклами, словно в изумлении смотрели на одинокого мальчишку, который перебегал от подъезда к подъезду, чтобы в случае обстрела спрятаться. Он надеялся, что и у колонки никого нет, но около неё уже стояли трое мужчин. Слава терпеливо дожидался очереди. Особенно долго наливал воду мужчина с тележкой и двумя молочными флягами. Двое других часто и нетерпеливо поглядывали в небо и разговаривали. Один из них, мрачный и костлявый, с двумя деревянными бадейками, тягуче, монотонно рассказывал:

– У нас через дом соседи сгорели.

– От снаряда?

– Будто бы осколком газовую трубу пробил, а у них суп на плите варился.

– А что ж хозяйева?

– В погребе сидели. Вылезли, а дом уж горит. Всю кухню у них разворотило взрывом.

– Беда! А самолётов не видать, слава богу.

– Эй, ты, давай быстрее! – прикрикнул костлявый на бидонщика.

– А я что, вода тихо текёт.

Наконец, он набрал воды, погрузил фляги на тележку и покатил её вправо. Подошла очередь и Славы, пока набирал воды, за ним образовалась очередь. Он подходил к своему двору, как вдруг услышал шелестящий звук. Мина! – догадался он и лёг плашмя на землю, прикрыв голову руками и заткнув большими пальцами уши, как учил его отец. Земля под ним дрожала, словно живая. Взрывов было с десяток, а затем внезапно стихло. Слава осторожно поднялся, стряхнул с себя комья земли, осмотрелся: мужчина с флягами лежал

на земле с окровавленной головой, из бидонов, пробитых осколками, ещё текли струйки воды; остальные люди поднимались с земли и разбежались в разные стороны; костлявый бежал, хромя, зачем-то прижимая пустую деревянную бадейку к груди.

Когда Слава спустился в подвал, то сразу заметил, что сестры не было. Дедушка мирно спал на боку, подложив руки под голову, и сопел. Спросил женщину:

– Вы Лену не видели?

– Лену? – всполошилась женщина. – Боже мой – недоглядела! Да она тут только что была, рядом с дедом играла. А что, разве её нет? Ох, матушки! Она всё про какую-то карету спрашивала.

Слава выбежал на улицу, бросился право, влево, затем за дом – Лены нигде не было. И вдруг увидел, что из подъезда, в котором они жили, через разбитое окно вьётся дымок. Забежал внутрь и сразу увидел Лену, лежащую на марше. Ещё не веря своим глазам, он долго тербил сестрѐнку и кричал:

– Вставай, вставай! Ленка, вставай.

Оторопел, когда увидел в её волосах кровь и дырку в черепе.

Лену хоронили всем двором. Гробик стоял на табуретках, рядом с ним на стуле сидел отец, уронив голову на грудь дочери и безутешно рыдая. Мать отсутствующим взглядом смотрела в небо и что-то шептала, гладя рукой волосы мужа. Слава стоял с поникшей головой, бледный и безучастный. Дедушка сидел по другую сторону гроба, опираясь на трость, и качался всем туловищем, крепко, до белизны, сомкнув свои тонкие губы.

После девяти, сразу же на следующий день, отец вернулся с работы в неурочное время, в обед. Помылся, переоделся и сел за стол, опустив голову.

– Случилось что? – спросила жена.

Григорий поднял голову, жалобно простонал:

– Всё, я больше не могу. Мать, я записался в ополчение. И не отговаривай меня! – повисил он голос.

Жена села на стул, растерянно глядя на мужа:

– Да я и не отговариваю. Раз уж решил... Что ж... А как же мы? Что нам-то делать, как жить?

Отец вытащил из кармана брюк пачку денег:

– Вот, расчёт дали. Тут и забойщики кое-что собрали. Проживёте как-нибудь... А я больше не могу.

Когда ополченцы отбили у военных вокруг города все блок-посты, и власть в городе взяла новая администрация, наступило относительное спокойствие. Жильцы дома перебрались из подвала в квартиры, латали пробоины от снарядов, вставляли рамы и стеклили окна. Открылись рынки, школы, детские садики, стали ходить автобусы и маршрутки.

Мать ходила по комнатам сама не своя, но делала свои хозяйские дела, дедушка постоянно мочил слезами глаза и приговаривал:

- Ироды, фашисты! Дитё-то зачем сгубили. Видать, мало мы их в войну перебили. О-хо-хо, дожил, лучше бы умер. Правнуков хороню.

Отец иногда звонил по телефону, справлялся, как они живут, не голодают ли, хватает ли денег. Иногда заявлялся домой, грязный, пропахший потом и пороховыми газами, отмывался в ванной, а затем снова уходил. Ближе к лету его подразделение передислоцировалось в другое место.

Слава закончил кое-как школу, как говорила мама, с двойки на тройку. С гибелью сестры в его ещё неокрепшей душе словно что-то перевернулось. Он вспоминал прежние месяцы, и ему до смерти стыдно было, что он иногда, не со зла, конечно, обижал и дразнил младшую сестрёнку. А внутри словно разжималась какая-то невидимая пружина, которая требовала отмщения. Но как осуществить эту месть, он не знал, в бессилье только сжимал кулаки и скрипел зубами

Всё решил случай. Наступили первые по настоящему летние деньки. Однажды Слава со своими друзьями, Колей и Виталькой, решил прокатиться на отцовской «копейке» до речки, попробовать водичку. Они скупнулись, побаловались на песке, когда в небе послышался шум. Мальчишки всматривались в безоблачное небо, приставив ко лбу ладони.

- Военный, - определил Виталька.

- Ага, - согласился Коля. - СУ двадцать пятый.

- Чего он тут крутится?

- Не знаю, разведчик, наверно.

И вдруг они увидели, что штурмовик начинает снижаться. Им казалось, что он пикирует прямо на них.

- Тикаем! - закричал Виталька.

Мальчишки впрыгнули в салон, и машина помчалась по берегу. Слава вырулил на грунтовую дорогу, затем свернул в небольшой лесок и остановился под деревьями. Штурмовик сделал круг, затем второй и с промежутками в две-три секунды выпустил две ракеты. Шлейфы сизо-белого дыма потянулись к земле, раздались два взрыва. Самолёт взревел моторами и ушёл влево. Мальчишки встали с земли, отряхнулись.

- Кого это он? - спросил Коля.

- Не знаю, - ответил Славка. - А давайте глянем.

- Давай, - согласились друзья.

Место, куда ударили ракеты, было хорошо видно - оттуда курчавым шлейфом, закрученным ветром, поднимался дым. Повиляв по полю, «копейка» подъехала к месту разрывов. Остановились метрах в тридцати от коптившего четырёхколёсного броневика с разорванными в клочья шинами. Виталька зашептал:

- Это наши или...

- Какая разница, - зашипел Слава. - Давай посмотрим.

Когда они подкрались к подбитому броневнику, то сразу увидели шестерых военных, лежащих на земле. Одна из ракет попала прямо в броню, разворотив башню, вторая воронка от взрыва находилась метрах в шести. Видно, после первого взрыва бойцы успели соскочить с брони, а вторым их всех уложило.

– Может, живой кто, – зашептал Колька и, увидев забрызганную кровью траву и разбросанные окровавленные куски мяса, вдруг выпучил глаза, раззявил рот, схватился за горло и задёргался всем телом – его стошнило. Глядя на него, Виталька тоже задёргался в конвульсиях, но сдержался. Глядя на товарищей, Слава сказал:

– Мне дедушка рассказывал, что так всегда бывает в первый раз. А потом проходит.

Его и самого мутило, но он сдерживался, часто глотая слюну и сжимая спазмами горло.

– Всё, пацаны, поехали отсюда, – прохрипел Колька. – Я больше не могу.

– Ага, давайте тикать, пока нас тут не застукали, – согласился Виталька.

Следом за ними встал и Слава, но вдруг остановился, в голове вдруг всплыли слова Кольки: «Я больше не могу...» Где-то он их уже слышал. Да-да, точно такие же слова сказал отец после гибели Лены, когда он уходил в ополчение. Этот хриплый стон отца словно подтолкнул его. Друзья уже сели в салон, а он бросился к мёртвым солдатам, подобрал три лежащих в пыли автомата, подсумок для рожков и, волоча их по земле, побежал к машине. Быстро бросил трофеи в багажник. Сел в салон, долго вставлял дрожащими руками ключ в замок зажигания. Виталька спросил:

– Ты что это там подобрал?

– Ничего, – буркнул Слава. – Не твоё дело.

Лишь в гараже, при закрытых дверях, он раскрыл тайну. Подростки при виде оружия замерли на месте, словно заколдованные. Наконец, Колька выдохнул:

– Вот это да! Автомат! Настоящий! Дай поддержать.

– Я те дам! Ты умеешь с ним обращаться?

– Я осторожно.

– А вдруг он заряженный? Вдруг стрельнешь?

Колька отдёргнул протянутые руки.

Слава строго предупредил:

– Смотрите – молчок, никому ни слова! Потом с ними разберёмся. А пока я их в погреб спрячу. Помните – никому ни слова.

* * *

В этот момент недалеко от блок-поста раздались автоматные очереди, и Слава прервал рассказ.

– Командир, погляди-ка, кто там озорует? – спросил курчавый.

«Сержант» долго вглядывался в бинокль, процедил:

– Кажись, кто-то прорывается. Приготовиться к бою!

Заклацали затворы, бойцы залегли под колёсами и гусеницами танков. С той же стороны, из-за лесопосадки, вывернулся мотоцикл с коляской, в которой сидели двое.

– Дяденьки, не стреляйте! – закричала девочка. – Это наши, наши!

– Какие ещё ваши?

– Это наши пацаны: Женька с Володькой, – пояснил Слава. – Они ехали за нами, а потом куда-то пропали. Мы же вам говорили.

Мотоцикл вырулил на дорогу перед блок-постом, и тут же над ним засвистели пули. Сержант повернулся к бойцу с пулемётом:

– Тима, ну-ка, прикрой ребятешек.

Пулемётчик установил своё оружие на броню подбитого бронетранспортёра и дал несколько коротких круговых очередей. Обстрелы смолкли. Старенький «Ирбит», несколько раз вильнув, въехал на блок-пост и остановился. Мальчишки стали обниматься и кричать:

– Женька, Володька! Живые! Вы где были?

– Заблудились, – коротко ответил один из них. Махнул рукой за спину. – Там сейчас одни укры, наших не видно.

– В нас... стреляли... три раза, – заикаясь, объяснил другой, мальчишка лет тринадцати с автоматом наперевес.

Один из ополченцев осмотрел мотоцикл:

– Повезло вам, сынки, – на вашем коне три пробоины. Наверно, мамки вас в сорочках родили. Хорошо, что в бак не угодили.

Мальчишек накормили, напоили, а Слава продолжал свой рассказ.

* * *

Скоро подростки сколотили свой отряд из одиннадцати человек и назвали его «юная самооборона». Но что делать, что предпринимать дальше, они не знали, никто не мог обращаться с оружием, да и того было мало. Как управляться с оружием, их научил дедушка, Тарас Семёнович. Однажды Слава стал расспрашивать:

– Дидуня, а ты, когда на фронте воевал, в фашистов стрелял?

Тот вздохнул:

– Пришлось, сыночка. Но лучше бы этого не было: ни войны, ни стрельбы.

– Почему? Они же враги.

– Враги-то враги, это так, только это очень тяжело – застрелить живого человека, хоть

враг он, хоть не враг.

– А ты из винтовки стрелял?

– Стрелял, стрелял, сыночка.

– А из автомата?

– И из автомата пришлось. – Дедушка неожиданно подозрительно посмотрел на правнука. – А чего это ты расспрашиваешь, а? Уж не надумал ли чего? Смотри мне! Мал ты ещё. Вот сообщу родителям – всыпят они тебе горячих.

– И ничего не всыпят, и ничего не мал, мне уже шестнадцать исполнилось, – огрызнулся Слава.

– Неужели шестнадцать! – удивился старик. – Я уже счёт годам потерял, всё думал, что ты ребёнок, а ты вон, мужик уже. Так, чего тебе надо-то?

– Дидуся, научи нас стрелять.

– Стрелять, в кого? – Не получив ответа, он неожиданно заплакал и сквозь всхлипы говорил: – Не думал я, что под конец жизни буду учить своего родного правнука стрелять. Дожил! – Поднял голову. – Ведь всё равно не отступитесь?

– Не отступимся, – твёрдо ответил Слава.

Старик вытер платочком слёзы, внимательно посмотрел на подростка:

– А я ведь тоже почти в твоих годах на фронт стикал, мне семнадцать лет всего было. О-хо-хо-хо! Годы-то как летят, как осенние листочки с дерева. Оружие-то хоть есть? – неожиданно спросил Тарас Семёнович.

– Есть, автоматы, – ответил Слава.

– Где взяли? Ладно, вижу, что не скажешь, – отмахнулся он, увидев упрямое лицо правнука. – Так и быть, раз обещал, покажу вам, как обращаться с оружием, а то перестреляете ещё друг дружку. – Прадед погрозил пальцем. – Только, гляди, чтобы матери об этом ни слова, а то она с ума сойдёт. Знаю – всё равно не отступитесь.

Тараса Семёновича подвозили и увозили в гараж на машине или на «Ирбите» Женькиного отца, который ушёл в ополчение. Старик любовно крутил автомат в руках:

– Знакомая штука. Когда в пятидесятых годах чуть до войны дело не дошло, нас, шахтёров, на трёхдневные сборы призывали, учили, как обращаться с новым автоматом. У нас-то пэпэша да пэпээсы были, – объяснял он сгрудившимся около него мальчишкам. – А теперь слушайте внимательно, и запоминайте. Сначала отцепляйте рожок. Вот так. Видите здесь защёлку?

– Видим, – хором отвечали мальчишки.

– Затем снимаем с предохранителя, передёргиваем затвор. О, да он у вас снаряжённый! – удивился дедушка, когда из казённого вылетел патрон.

Уроки продолжались с неделю. Тарас Семёнович показывал, как собирать и разбирать автомат, как его чистить и приводить в боевое состояние, предупреждал, что наставлять

оружие на человека, даже в шутку и если оно не заряжено, опасно. «На грех и грабли стреляют», – наставлял он. Стрелять учились под руководством старика в заброшенном цехе небольшого завода на окраине города. Но патроны скоро закончились. Каждому юному ополченцу досталось по два-три выстрела.

Мальчишки и несколько девчонок, которые примкнули к отряду юной самообороны, долго спорили, где взять боеприпасы, ведь без патронов автомат превращался в ненужную игрушку. Наташа, одноклассница Славы, предложила:

– А давайте попросим у ополченцев. А что, у них бойцов не хватает, мы и сами вступим в отряд ополчения.

– Ага, – скривив в усмешке рот, возразил Мишка, – так они тебя и приняли! Ещё и автоматы отберут, скажут, что мы маленькие.

– Может, военный склад грабанём, – подал новую мысль тринадцатилетний Тимка. – Я знаю, где он находится.

– Ты что, совсем больной, – протянул Колька. – Его же охраняют, часовые ходят. Вмиг заберут. Да и стены там знаешь, какие толстые – их атомной бомбой не пробьёшь.

– Нет, ребята, так не пойдёт – своих грабить, – не согласился Слава. – И добровольно нам никто патронов не даст.

Вскочил Мишка:

– Слушайте, пацаны, а что если за город съездить. Вы же слышали, там недавно бой был, наверно, и оружие валяется. Вон, Славка нашёл же автоматы, может, и нам повезёт. – Мишка уныло добавил: – Правда, бандеровцы там наш блок-пост взяли. Говорят, ополченцев танками подавили.

Все долго и понуро молчали, пока не встал Слава и не спросил Мишку:

– Говоришь, сдали?

– Ага. Там сейчас такую крепость устроили – ого! как в Бресте.

– Точно знаешь?

– Да я своими глазами видел, когда на велосипеде там проезжал, – вскипел Мишка. – Там как раз «Урал» стоял, выгружали из него разные ящики.

Перебивая друг друга, ребята закричали:

– Там наверняка и оружие есть, и патроны. Вот бы там пошукать!

– Пошукаешь в своём кармане, – перебил Слава. – А там вооружённые солдаты, может, нацики или псы. Они так просто не отдадут.

– Да-а-а, – протянул Толя, – голыми руками их не возьмёшь. Что же делать?

– Я знаю, – ответил Слава, которого весь отряд уже принял за командира. Он пошарил на верхней полке стеллажа и достал свёрток. Развернул его, и все увидели рожок от автомата.

Ребята зашумели, загалдели:

– Где ты его взял? Заныкал, а мне всего один выстрел достался! Ну-ка, покажи! Ого, да он полный! Вот это да! Живём, пацаны!

Слава гордо оглядел всех и объявил:

– Запас карман не тянет.

– Ай, да Славка! Молоток! Так, где ты его взял?

– А там же, у бронетранспортёра. Бросил в багажник, он там и валялся, а вчера смотрю, лежит что-то под запаской. В общем, поедём трое. Сделаем так...

Под вечер подростки подъехали на «копейке» поближе к блок-посту и схоронились в кустах лесопосадки. Долго наблюдали, что там происходит. Движение по дороге становилось все реже и реже. Больше машин выезжало из города. Наконец, совсем стихло. Солнце спряталось за горизонтом, последние угольки зари уже дотлевали за тёмной чертой, но светлое небо ещё освещало землю. Вот снова появилась легковая машина и остановилась у блок-поста.

– Вот, гады, тикают, – зашипел при виде трёх крепких мужчин Володька, налитой и рослый парнишка лет шестнадцати, которого взяли с собой из-за его недюжинной силы. – Наши отцы воют, а они дают драпала.

– Откуда ты знаешь? Может, и не тикают, – отозвался Мишка.

– Хватит вам, – шикнул Слава. – Лучше считайте, сколько там нациков.

– Вроде бы всего двое. – Это Володя.

– Ага, как не двое! – опроверг Мишка. – Видишь, вон там, за шинами, дымок поднимается – курит кто-то. А вон ещё один, справа, за плитой сидит.

Насчитали пятерых.

– Эх, многовато, – вздохнул Слава. – Не справиться нам с ними. Надо отложить.

– Смотри, смотри! – чуть не закричал Володя, показывая пальцем влево.

Все увидели, как двое направились к лесопосадке и присели в кустах, сняв штаны и отложив автоматы в стороны. Момент был подходящий. Подростки подкрались сзади. Слава наставил автомат на бойцов и тихо скомандовал:

– Эй, сидеть и не рыпаться, а то пришью сейчас к земле.

Нацики были ненамного старше подростков. Увидев направленный на них автомат, один из них дрожащим голосом, не вставая, спросил:

– Хлопцы, вы кто?

– А вы кто? – спросил Миша.

– Мы... мы охраняем.

- И мы охраняем наш город. Не херойствуй, а то всажу пулю в черепок.

Автоматы уже были в руках Славы, а Володя связывал пленников их же ремнями по рукам и ногам и приговаривал:

- Кричать не советую. Не бойсь, останетесь живы – гарантирую. – Он засунул им в рот кляпы из носовых платков. – Вот, теперь совсем порядок. Пошли.

Когда они уже в полутьме подходили к блок-посту, кто-то их окликнул:

- Гришко, вы, что ли?

- Мы, мы, – вполголоса промычал Слава, подходя к плитам.

Двое при виде незнакомых парней с направленными на них автоматами сразу подняли руки, третий метнулся за бетонный блок, но ему Володя подставил подножку, и тот грохнулся оземь, как срубленный. Процедура связывания повторилась. Двое угрюмо молчали, уткнувшись лицами в асфальт, лишь третий постоянно ныл:

- Хлопцы, не убивайте! Хлопцы, не убивайте! Нас заставили, нас послали. Мы не виноваты. Мы не хотели...

А тем временем Слава уже подогнал легковушку и с Михаилом стал загружать в багажник и в салон ящики. Открывая их, Миша каждый раз вскрикивал:

- Ой, да тут патронов на целый взвод хватит. А тут и гранаты есть! Брать? А тут какие-то две трубы лежат. Что это?

- Бери, потом разберёмся.

Когда боеприпасы были погружены, Володя пробасил, кивая на связанных бойцов:

- А с ними что делать?

Слава посмотрел в потухающие глаза пленников, вспомнил, как дед говорил: «Эх, внучек, не так-то легко живого человека убить», ответил:

- Оставь их. Поехали отсюда.

* * *

Слава замолчал. Молчали и слушатели. Один из ополченцев вздохнул:

- Да, прав твой прадед, сынок. Дожили вот: приходится убивать друг друга. Русские русских. Эх, мать иху...

- А дальше, дальше-то, что с вами приключилось, – настаивал боец.

- Мы не знали, что делать дальше, – признался Слава.

Все вокруг засмеялись, загалдели:

- Эх, Аники-воины!.. Не знали они... Сидели бы дома, учились... Да дайте досказать-то, мужики!

- А потом у Наташи, одноклассницы моей, папа в ополчении погиб. Похоронили его, а Наташка говорит: «Эх, вы, сидите тут, мечтаете, а наши отцы там погибают». Как она плакала! я не знаю. В этот день мой отец позвонил маме. Ранили его, отправили в госпиталь, говорил, что рана пустяковая, просил, чтобы не беспокоились. А тут по телику сообщили, что «Стрелок» в Славянске в окружение попал. И мы решили идти на подмогу.

Из рассказа командира отряда «юных ополченцев» перед слушателями вставала следующая картина. Переброска подросткового войска произошла за два дня, перевозили на «копейке» и на мотоцикле. На окраине города увидели страшную картину: исковерканная, ещё дымящаяся техника лежала по всей дороге, повсюду мёртвые тела бойцов, дома разрушены взрывами. Постучались в один уцелевший дом – никого, во второй – тоже пусто. Лишь в третьем испуганно отозвались:

- Кто там?

- Мы это.

- Кто мы? Идите отсюда!

- Откройте, пожалуйста.

Задвижка скрипнула, и на пороге появилась старушка.

- Ну, чего вам? – удивлённо спросила она, оглядывая вооружённых недоростков.

- Бабушка, скажите, где нам «Стрелка» найти.

Старушка боязливо огляделась по сторонам, зашептала:

- Нет ваших стрелков, ушли они. Вон они чего тут натворили, стрелки ваши, – показывала она рукой на горящие дома, убитых бойцов и животных на улице. – И вы тикайте, сюда уже эти, – она показывала на кого-то за спину, – приходили. Всё спрашивали про активистов да ополченцев. Много арестовали. Чего они тут вытворяли! Боженька мой: грабили, насильничали, избивали, расстреливали. – Сквозь слёзы старушка добавила: – А я знать ничего не знаю, ведать ничего не ведаю. И вы тикайте, да поскорее.

- Бабушка, вы хоть скажите, куда «Стрелок» ушёл.

- Туда, туда все потикали, – показала бабушка вдоль улицы и захлопнула перед их носами дверь.

- Ушли! – разочарованно протянул Мишка. – Как же так? Славка, чего же мы приехали тогда?

- Разберёмся. Искать будем, не могли они далеко уйти, – ответил командир «юного ополчения».

И нашли... Когда группа проехала километра два в том направлении, куда показывала им бабушка, за поворотом, заслонённом кущами деревьев, они почти вплотную наткнулись на колонну техники. Ещё не зная, свои это или чужие, притормозили. Колонна состояла из двух грузовиков с пехотой, танка и двух бронемашин десанта. Скоро глазастый Мишка рассмотрел жёлто-синий флаг на переднем «Урале» и две белые полосы на броне бэтээра. Неожиданно побелевшими губами прошептал:

- Нацки. Что делать?

Слава и сам уже понял, что они напоролись на украинское подразделение. Разворачиваться и драпать было поздно: на узкой дороге не развернуться. Он приказал:

– Будем принимать бой.

Бойцы притихли, лишь Наташа как-то странно улыбнулась и процедила сквозь зубы:

– Сволочи, сейчас я им покажу! Я отомщу им за своего батечку.

Неожиданно над их головами прошелестели пули. Все выскочили наружу и залегли в кювете. Стало понятно, что от боя уже не уклониться. Слава закричал:

– Пацаны, отгоните мотоцикл и машину в лесок! Митя, раздай гранаты и патроны! Всем вон туда! – показал он на небольшой холмик слева, заросший густой травой.

Машину и мотоцикл спрятали в кустах, а сами перебежками бросились к бугру. Их провожал стрёкот пулемёта и свист пуль. Стрелок мазал: нарочно или просто подгонял бегущих – было непонятно. Володя на бегу кричал:

– Быстрее, быстрее! – Затем неожиданно по взрослому выматерился и со стоном спросил неизвестно кого: – Где же «Стрелок»-то?

Когда залегли за бугром, Слава громко спросил:

– Никого не задело?

Все молчали. Колонна двинулась вперёд. Ствол пушки БМД угрожающе повернулся к бугру. Вот колонна уже в двухстах метрах. Слава скомандовал, вспомнив какой-то фильм:

– Приготовиться! По команде огонь по первой и последней машине. Поняли? – Молчание. И он закричал: – Огонь!

Автоматы затрещали. Из-под капота переднего «Урала» неожиданно поднялись белые пары – было понятно, что пули пробили систему охлаждения. Кто-то радостно закричал:

– Ага, есть один!

Из кузовов машин начали горохом высыпаться солдаты. Залегли под колёсами и открыли ответный огонь. Пули рыхлили верхушку холма, не давая поднять головы. Юные самооборонцы тоже огрызнулись. Редко зататакал крупнокалиберник нацгвардейцев, заставив прижаться всех к земле. Кто-то вскрикнул, закричал:

– Мама! Мама! – и стих.

К Славе подполз Володя, сглотнув слюну, прохрипел:

– Женьку убили.

Слава закричал:

– Огонь по фашистским гадам!

Видно, после перестрелки и у нацгвардейцев появились потери. Через несколько минут с дороги сполз танк и двинулся на бугор. Пули отскакивали от брони горохом, лишь царапая его. Кто-то в панике закричал:

- Пацаны, тикаем!

Неожиданно его перебила Наташа:

- Сидите тут. Я сейчас.

В этот миг её глаза смотрели на танк, словно в пустоту. Слава заметил в её руках связку из трёх гранат, которые она связала своей голубой лентой из косы.

- Ты что задумала?! – закричал Слава. – Тебя же убьют!

- Я сейчас, – спокойно ответила девушка и среди густой травы поползла навстречу танку. Видно, водитель её не видел и упорно вёл машину на малой скорости. Мальчишки и девчонки всё видели и кричали:

- Наташа, бросай! Бросай, а то раздавит!

Когда до танка оставалось метров десять-двенадцать, Наташа змеёй скользнула под гусеницу, вырвала чеку и закричала:

- Это вам за моего батечку, сволочи!

Чудовищной силы взрыв заставил бугор вздрогнуть. Когда подростки посмотрели на место трагедии, они увидели неподвижный танк, из-под гусеницы которого вилась пыль, а не месте воронки валялись окровавленные куски мяса. Видно, и нацгвардейцы были потрясены происшедшим, потому что стрельба стихла.

Замолчал и рассказчик. Сейчас он уже не плакал, а серьёзным мужским взглядом осмотрел всех слушателей и сказал:

- Она очень красивой дивчиной была.

- И сколько же вас было? – спросил священник.

- Семнадцать, – ответил Слава и снова скривил губы.

Священник повернулся на восток и стал креститься, что-то шепча.

- Эх, ребятки, ребятки, – вздохнул «Сержант», – неужели же вы не понимаете, что каждое дело должен делать подготовленный человек, а вы...

- Но вы ведь тоже не военный.

- Не военный, предприниматель я, а всё же кое-что про военное дело знаю, всё-таки два года родине долг отдавал. Ты знаешь, почему у меня позывной «Сержант»? Потому что я на самом деле сержант, только в запасе. Вот, пришлось из запаса выйти, чёрт бы подрал этих фашистов.

Командир блок-поста помолчал, окинул взглядом юных ополченцев и спросил самого себя:

- Куда же вас девать-то? – Затем взял рацию. – «Кречет», «Кречет», слышишь меня?

В динамике отозвался усталый голос:

- Слышу, «Сержант». Чего там у тебя?

- Тут к нам... - «Сержант» хотел сказать «мелюзга», но, посмотрев на измученных и раненных юных бойцов, поправился: - Тут к нам нештатные бойцы прибились, не совсем призывного возраста. Куда-то их определить надо. А то я чую, что к нам скоро великие укры полезут.

«Кречет» спросил:

- Наши основные силы вышли?

- Вышли.

- Тогда отправляй их к нам, мы их тут встретим.

- Понял. До связи. - Командир посмотрел на притихших ребят, спросил: - Слышали?

Хор детских голосов ответил:

- Слышали!

- Тогда, по машинам, и вперёд, за орденами. Дорогу вам, вот, Павел, покажет.

- А оружие? - спросил Володька, шмыгнув носом.

- Какое оружие? - удивлённо спросил «Сержант».

- Наше оружие. Мы его в бою захватывали, на блок-посту.

- Нет, ребята, с оружием вам придётся чуток подождать. Подрастите сначала.

В этот момент вдалеке раздались глухие разрывы снарядов, щелчки выстрелов.

«Сержант» засуетился:

- Всё-всё, ребятки, уезжайте, скоро здесь бой начнётся. Видно, наша разведгруппа на укров нарвалась.

За руль мотоцикла сел ополченец Павел, ребята втиснулись в машину, уселись в коляску. И скоро их скрыл пыльный полевой шлейф. Священник долго крестил их вслед и шептал:

- Господи, оборони, спаси и сохрани чад наших.

«Сержант» довольно вздохнул:

- Нет, мужики, с таким народом мы этих фашистских недобитков обязательно побьём.

Слава сидел за рулём дедовой «копейки» и через открытое боковое стекло, через которое в салон вривался свежий тугой ветер, слышал пуканье пушек, взрывы снарядов, щёлканье автоматных очередей - он понимал, что там, на блок-посту, «Сержант» и его товарищи приняли бой... Возможно, последний.

Помогите, мужики!

Ополченцы Донецкой Народной республики, правда, никем так и не признанной, после так называемого перемирия уже несколько месяцев не вылезали из окопов, укрытий и блиндажей. После недавней «рубки» в Дебальцево, когда вэсэушники еле вытянули потрёпанные хвосты своих подразделений из очередного «котла», фронт притих.

Политики о чём-то договаривались, разъезжая по сверкающим европейским столицам, а мужики поддерживали хрупкий, тонкий, как весенний ледок, мир через дула и стволы своего оружия.

Весна! Погода капризная, как невеста: то дождь, то снег, то пасмурно, то солнечно. Ночами иногда ещё подмораживало, а днём солнце уже прогревало прозябшую за зиму землю, отчего она парила, а воздух волновался от испарений, искажая далёкие окрестности ближайшего селения, в котором стояли атошники, тощие леса, уже кое-где прозеленевшие от первой, молодой, не нюхавшей пороха, травы, покрывшие южные склоны широкой балки.

Передовая. Настроение у ополченцев тоже под стать весенней погоде: то веселятся и ржут, рассказывая анекдоты, то вдруг притихнут, задумавшись о чём-то своём, сокровенном. На ветках деревьев, не обращая внимания на людские проблемы, миловались и устраивали свои гнёздышки птички.

Балка разделяла ополченцев Донбасса и вэсэушников, бдящих за противником из своих укрытий. Слева, по самой бровке оврага, поле, брошенное хозяином, уже начинало зарастать молодыми деревцами и, чтобы они не мешали наблюдению за продвижением противника, их иногда «подкашивали» автоматными очередями. Вот и сегодня автоматчик через бойницу блиндажа «скосил» несколько берёзок и три елочки. С той стороны тут же ответили. Командир взвода с позывным «Тукан», прозванный так из-за своего кривого и длинного носа, брезгливо скривился, отчего его чёрные прямые, как стрелки, усы показали на его мордашном циферблате без десяти четыре, степенно закурил и, зевнув, прорычал:

– Бдят, суки бандеровские.

Ему никто не возразил. Лишь из дальнего, тёмного угла после тяжёлого вздоха донеслось:

– Надоело.

– Чего тебе надоело, Васёк? – спросил смолящий сигарету ополченец с длинным лицом, на котором почти не переставая порхали бабочками ресницы.

– Всё надоело: вечные эти бесполезные переговоры в Минске, сидение в этих окопах и блиндажах, и стрельба. Ездят какие-то рабочие группы, живут в шикарных отелях, жрут в ресторанах, а мы тут вшей корми. Надоело.

– А ты чего же хочешь, Вася, – вмешался в разговор подчинённый командир. – Они же для всех нас стараются, заставляют этих американских пресмыкающихся договор исполнять. А как же иначе-то.

Из темноты вынырнул парень лет девятнадцати, держа автомат за ствол, плюхнулся на дверь рядом с командиром, которая служила диваном:

– А так: или замиряться, или уж воевать.

– Вася, так, этого все хотят.

– Ага, все, а чего же эти правосеки, азовцы, айдаровцы не хотят.

– Ну. Это особый сорт людей, бойцовской, криминальной породы. К тому же обиженных умом, но зато щедро одарённых жадностью и злобой.

– Эх, скорее бы замириться, что ли. А то так и до пенсии тут просидеть можно.

– А ты торопишься?

– А как же. Меня невеста ждёт, мы уговорились на майские праздники свадьбу справить.

Все замолчали. Длиннолицый спросил:

– Ты веришь в это, Вася?

– Во что?

– Ну, в замирение это.

Пауза.

– Нет, с этими вряд ли скоро получится. – Вася разгорячился: – Тогда до конца надо идти, до Киева, до Крещатика, и выгнать этих американских прихлебателей с Банковой.

Снаружи бабахнуло. Вася выглянул в бойницу в бетонной стене, ухмыльнулся:

– Чего-то укропы минами разбрасываются.

– Это они так молодняк обучают.

Длиннолицый меланхолично заметил:

– Восемьдесят вторые бросают, до нас не долетят.

Второй взрыв потряс блиндаж.

– Вот тебе и не долетят! – проворчал Тукан. – Это откуда же они лупят?

– Может, они с передвижки работают? – спросил Василий, имея в виду передвижные миномётные установки, которые вэсэушники устанавливали в кузовах машин, подъезжали ближе к позициям ополченцев и обстреливали.

– Эй, Комар, вставай! – командир пошевелил ногой лежащего на двери, застеленной старыми одеялами, бойца.

– Чего, командир, – пропищал боец, отчего было понятно, откуда появился у него такой странный позывной.

– Давай-ка, шмальни из своего крупняка, а то бандеровцы что-то оборзели.

Комар оказался худощавым парнем лет двадцати пяти. Было удивительно, как он мог удерживать пудовый АГС в руках.

– А куда шмалять-то?

– А ты посмотри – машина там должна быть. Может, и сами подползли. Ладно, я сейчас сам посмотрю.

Тукан вышел из блиндажа, через бруствер окопа долго осматривал окрестности через прицел снайперской винтовки, вернулся, почему-то тихо, словно его мог услышать враг,

сказал:

– Там они, на пикапчике. – Повернулся к Комару: – Вагончик фермерский стоит, знаешь где?

– Знаю. – Комар отмахнулся: – Да понял, понял. Гранаток пять кину.

Комар взвалил на плечи гранатомёт и вышел. Остальные прильнули к бойницам и щелям. Раздался редкий кашель АГСа.

– Смотри, тикают! – радостно закричал Василий.

– Кажись, зацепило кого-то, – равнодушно протянул четвёртый. – Вон, волокут.

И правда, все увидели, как двое вэсэушников подхватили под руки третьего и тащат его к машине. Комар вернулся в блиндаж, спросил:

– Ну, что, хватит, что ли?

– Хватит, хватит. Они и так обделались, вон как хорошо тикают.

– Учения закончились, потерь нет, можно и отдохнуть, – констатировал Комар и снова улёгся на дырявый матрас.

Когда группа сменилась и вернулась в село, в ангаре, где размещалось подразделение, к Тукану подошла женщина лет пятидесяти пяти-шестидесяти, поздоровавшись, несмело спросила:

– Ты у них командир, что ли?

– Ну, я.

Женщина улыбнулась:

– По усам тебя узнала. – Тукан крякнул, поправил свои усы, а женщина продолжала: – У меня к тебе, касатик, разговор есть.

– Ну, говорите.

Женщина, посмотрев на окруживших их бойцов, поманила командира взвода указательным пальцем, прошептала:

– Мне бы наедине.

– Ну, пошли, поговорим. – Когда вышли во двор со ржавеющей сельскохозяйственной техникой, сказал: – Ну, говорите, мамуся.

Женщина снова осмотрелась, зашептала:

– Мой сынок, младшенький, на той стороне.

– На какой той, за речкой, что ли?

– Да не! – Она махнула рукой. – Там, за овражиною.

- Это у бандеровцев, что ли, или у псов?

- Ну да. - Женщина замялась. - Да не, у каких псов! У правосеков, что ли? Упаси боже! У атошников он.

- Ну и что? - всё ещё не понимал Тукан. - Мы все так: одни здесь, другие там, пуляем друг в дружку, дурьи головы.

- Вот-вот, - обрадовалась женщина, - и он так же говорит!

- И дальше?

- А чего дальше. Виделась я с ним недавно, встречалась. - Женщина промокнула концом платка вмиг намокнувшие глаза. - Боженька, какой же он худой, синий, как бройлер, износился весь...

- Слушайте, мамуся, мне некогда тут ваши жалобы выслушивать, - не выдержал Тукан. - Да и устал я, отдохнуть хочется. Вы или говорите, или...

Женщина вцепилась в рукав командира:

- Ты подожди, подожди, миленький, у меня до тебя весть. Важная весть. Ходила я до него, харчей отнесла, тютюну. Говорим мы с ним, с Николаем-то...

- Никола, сын ваш?

- Ну, я ж говорю, младшенький. Всего-то у меня их пятеро: две дочки и три сыночка. Ты слушай, слушай, важно это. Он, Никола-то, так сказал. Их командир, лейтенант старший будто бы, просил через меня связаться с вами.

- С кем это, с нами?

- Ну, со старшим, который тут, в нашем селе командует. - Женщина вдруг спохватилась: - Чать, ты тут старший-то?

- Я, я, так что говорите, мамуся, не сомневайтесь.

- Так вот, этот командир просил передать, да так, чтобы никто ничего не слышал, тайно, что они хотят с вами встретиться.

Тукан насторожился: уж не ловушку ли ему и его хлопцам расставляют:

- Зачем?

- Сказал, что серьёзно, очень серьёзно поговорить хочет.

- О чём нам говорить да чай пить! Скажете тоже, мамуся! - взорвался вдруг Тукан. - Они вон троих моих хлопцев в гробы уложили за последний месяц, пятеро ранены! А он - поговорить хочет! Передайте этому засранцу, что говорить нам не о чем, тут война, мамуся, идёт, а не крестики-нолики.

Тукан уже развернулся, чтобы уйти, как женщина умоляющим голосом простонала:

- Да там же сыночка мой, младшенький! Убьёте вы его! А мне как потом жить? Богом молю, мамой твоей молю - выслушай, родненький! Ну что тебе стоит несчастную мать

послушать. – Женщина засунула руку в карман вязаной кофты и вытащила свёрнутый в комок бумажку. – Вот, вот, командир ихний просил передать.

Тукан нехотя повернулся, взял у женщины бумажный комок и стал его осторожно разворачивать. Прочитал: «Командир, нужно срочно переговорить. Это в интересах обеих сторон». Подписи не было. Написано была записка карандашом, печатными буквами, так, как пишут дети, которые только что заучили буквы и пытаются что-то написать.

– На словах ничего не передавал?

– Не, только это.

– Вас как звать?

– Наталья. Наталья Тарасовна Горбик.

– Вы здесь живёте, Наталья Тарасовна?

– Здесь, где же ещё. – Она показала рукой в сторону водонапорной башни. – Вон там наша хатина.

– Одна?

– Не, как одна. Со мной ещё мой старий да батька его, дедуган, да ещё две внучки.

– А внучки чьи?

– Так, Николкины и есть – куда им деваться. Их matka, шалава, к другому сбежала, а Николку в АТУ эту проклятую забрали. Вот и живут теперь внучки с нами.

– Учатся?

– Да не! Одна-то совсем малёхонька – пять рокив, а второй некуда – школу-то недавно разбомбили. Правда, на дому знимается, ей что-то по интернету присылают, она и пишет. Да и я помогаю, ведь я тоже учителкой была, математику преподавала.

– А можно к вам в гости заглянуть? – как бы ненароком, с улыбкой спросил Тукан. – Давно я дома не был, за столом не сидел. Чайком угостите?

– Чего ж не угостить, только хлебосолов нема, сами с хлеба на воду перебиваемся.

– Это ничего. Фома! – крикнул Тукан ополченцу, который выполнял роль часового, сидя на ящике под навесом.

– Чего!

– Летуна с Писарем позови.

– А что вы так прозываетесь? – недоумевала Наталья Тарасовна. – Вы ж не кобели. Небось, matka с батькой вам имя давали.

– А чтоб враг не знал, кто мы такие. Укропы наших родственников преследуют. Слышали, наверно, как стариков да детишек в соседнем селе недавно постреляли. И за что? За то, что их отцы и братья с укропами воюют.

– Ой, мамочки, страсти какие! Что ж они – нелюди!

Летун с Писарем шли впереди, вооружённые автоматом и пулёмётом, зорко поглядывая по сторонам – в последнее время часто «шалили» диверсионно-разведывательные группы нацбатальонов, и нужно было держать ухо востро. Наталья Тарасовна всю дорогу посорочьи трещала, всё жалилась на войну, на неустройство, на нехватку продуктов и проклятушие цены высотой с терриконы. А Тукан размышлял, что могла означать эта странная записка от противника. Это могло быть и ловушкой и искренней просьбой о помощи и хитрым ходом, чтобы отвлечь отряд ополченцев. Потому он и напросился в «гости», чтобы посмотреть на семью Горбий, приняться, так сказать, что это за люди. Он не понаслышке знал, как вроде бы тихие, мирные люди, даже старики и дети, ходили возле позиций ополченцев и наводили вражескую артиллерию. Совсем недавно, перед Дебальцевским котлом, в их подразделении задержали девушку, работавшей на укропов наводчицей. Отняли у неё сотовый телефон, по сигналу которого наводились орудия. Отвели в разведывательную часть. Девица ревела, рассказала, что она не знала, что творит, что к ней просто подошёл человек и предложил подзаработать. Она и согласилась, ведь надо чем-то кормить двух младших братьев и покупать лекарства для больной матери.

Сейчас на передовой иногда погромыхивало, но нацики после двух «котлов» уже не были настолько самоуверенными, чтобы лезть на «ватников», как они называли вооруженных донбассцев, решившихся дать отпор бандеровским выродкам и националистам, и после понесённых тяжёлых потерь давали о себе знать лишь издалека. Одним словом, на данном участке фронта шла оппозиционная вялая перестрелка.

– А вот и наша хата, – показала Наталья Тарасовна на приличный кирпичный дом с приусадебным участком, с хозяйственными постройками и высоким забором из гофрированного железа. – Заходите, заходите, хлопцики, будьте гостями.

Тукан сделал незаметное для хозяйки движение бровями, после которого Летун ответил:

– Мы здесь побудем, на свежем воздухе.

Войдя в дом, Тукан сразу почувствовал запах лекарств и разлагающегося мяса. Ещё подумал: «Мясо-то у них откуда, ведь говорила, что есть нечего». В маленькой же комнатке через открытую дверь увидел старика, лежащего на постели с перевязанными ногами, который даже головы не повернул на гостя. Он равнодушно смотрел в потолок, на котором сидела первая весенняя муха и перебирала передними ногами, и по этому взгляду было понятно, что старик уже наполовину был на том свете. Прошли в большую, ухоженную комнату.

– Здравствуйте, – поздоровался Тукан с мужчиной лет шестидесяти и двумя востроглазыми девочками.

– Здоровеньки булы, – ответил мужчина. – Проходите.

– Идите, идите в свою комнату, – сказала хозяйка девочкам, и те послушно упорхнули в дверь. А мужчине сказала: – Это командир ихний.

Тот показал на стул:

– Сидай, командир. – Тукан сел, а Наталья Тарасовна вышла. Хозяин продолжал: – Ты уж выручай, милый. Мы не знаем, что и делать.

Тукан молчал, оглядывая горницу. Обыкновенный набор мебели для простой семьи: стол,

стулья, диван, полка с учебниками, старая этажерка, ковёр на стене. На стене фотографии в рамках, много фотографий. На одной из них бравый капитан с орденами и медалями на груди. Тукан сразу понял, что этот тот самый умирающий дедуган. Заметив взгляд гостя, хозяин показал на портрет молодого парня:

– А вот это Николка наш. Тут он после школы.

Тукан запомнил физиономию парня – пригодится. Подоспел и чай. Тукан подождал, пока первой отхлебнёт хозяйка – мало ли что у неё на уме. Отхлебнул тоже, спросил:

– Как вас зовут, отец?

– Зови дядька Грицай.

– Так что, дядька Грицай, расскажите, как ваш Николка к укропам попал.

Хозяин взглянул на жену – ты что же, не рассказывала разве? – и ответил:

– Да, как. Как все. Он в Харькове жил, на заводе работал, там и вручили повестку: давай, мол, иди в АТУ. А ему куда деваться – дети дома одни. Жена его, курва, в Киев сбежала с каким-то бандеровцем. Теперь, наверно, на майдане с ним вместе скачет, падла. – Дядя Грицай скрипнул зубами.

– А как с Николаем связались?

– Так, она всё, – ткнул пальцем на жену хозяин. – Всё искала сынку нашего. А тут пошла...

– Давай я сама расскажу, – перебила Наталья Тарасовна мужа. – В общем, так. Пошла я в соседнее село за продуктами. Там всё в магазинах есть, и всё дешевле. У нас ведь сейчас ничего не найдёшь, а гуманитарка до нас и не доходит. В общем, поехала. Шофёр нас высадил у блок-поста, мы пешочком по мосту прошли, вэсэушники с нас, конечно, мзду содрали. Что делать – отдали. В общем, закупили мы продукты, уложили их на тележки, и вдруг вижу – солдаты идут. А у меня только одна мысль – про Николку нашего спросить, вдруг он рядом совсем. Сначала-то он звонил нам по сотовому телефону, а потом всё – как обрезало. Звоним, звоним ему – не отвечает, и всё. В общем, подошла я к ним, спрашиваю: «Сыночки, не знаете ли вы про моего сына, Николу Горбика?» Один из них отвечает: «Как же, знаем, он с нами в одной роте служит». Я и обомлела, здоров ли, не ранен ли, спрашиваю. Нет, говорит, здоров ваш сыночка. А почему не звонит, не отвечает по телефону? А у нас, говорит, все телефоны командиры отобрали, боятся, что бандиты их прослушивают. В общем, обрелась я тогда от той радости, что сынок мой живой, спрашиваю, а можно ли с ним повидаться.

Другой меня отводит в сторону, оглядывается, шепчет: «Вы, мамуня, вот что: приходите в следующую пятницу, сюда же, в крамницу, встретите своего сына».

«Как же я его встречу?» – спрашиваю. «А так, нас командиры сюда за провизией и горилкой посылают. В следующий раз и придёт ваш Николка – уж мы ему намекнём про вас». Господи, если бы вы знали, как я обрадовалась! – наконец-то встречу своего сыночка. В общем, пришла в пятницу, жду, а его всё нет и нет. Уже назад собралась, как вдруг подходит ко мне женщина, вы, спрашивает, Наталья Тарасовна, я говорю – да. Идите за мной. А я уж и боюсь, думаю, заведут сейчас в какой-нибудь глухой угол да ограбят, а то ещё и прибьют. Дрожу, а сама иду. А там проулок такой, заросший весь, а из кустов Николка мой выходит, бросился ко мне, обнимает, целует, плачет. И я с ним реву. А он грязный весь, почти в лохмотьях, ботинки на нём дырявые. Потом я опомнилась, гляжу на его ружьё и спрашиваю: «Ты что же это, паршивец, в батьку и мамку стреляешь, в

дочек своих, да?» А он: «Да что ты, мама, разве можно. Стрелять мы стреляем, только поверх». Гляжу, а с ним ещё один, со звёздочками – офицер, значит. Подождал он, пока мы наобнимаемся, наговоримся. Потом Никола и говорит: «Мама, это командир наш, он с тобой хотел поговорить». Я испугалась почему-то – сама не знаю, почему. Он, видно, понял, говорит: «Вы меня не бойтесь, мамуся. Я к вам по делу». Спрашивает: «У вас сепаратисты стоят?» Я на него чуть не с кулаками: «Это для вас мы сепаратисты, ватники да предатели, а ребята эти нас защищают! Между прочим, от вас, паразитов! Кто вас из Киева к нам прислал, чего вы здесь забыли? Играете в свои майданы, вот и играйте в них в Киеве, а нас не трожьте!» Никола меня еле успокоил, а командир снова: «Вы, мамуля, на нас не кричите, мы люди подневольные, нам и самим война эта во где!» И по горлу себе. «Вы лучше скажите, стоят у вас ополченцы или нет?» Я говорю – стоят. Тогда, говорит, передайте их командиру вот это, и протягивает мне комок из бумаги. Только лично, говорит, никому больше не доверяйте. И ещё предупредил: «На блок-посту обыскать могут, так вы, если что, выбросьте незаметно этот комок, чтобы беды не было».

– Батюшки, – протянула в этом месте своего рассказа Наталья Тарасовна, округлив глаза.
– Тут я уж вовсе струхнула! А Николка говорит: «Не бойтесь, мама, тут ничего такого, просто записка. Передайте, и всё».

– Теперь понятно, – проворчал Тукан и спросил: – А что, новую встречу они назначили?

– А зачем?

– Но ведь должны же вы ответ как-то передать.

– Ах, да! Он, командир-то, спросил ещё, когда я снова в магазин приду.

– А вы?

– А я сказала, что мы ездим сюда раз в неделю, по четвергам.

Командир ополчения поднял голову, что-то подсчитал.

– Значит, послезавтра? – спросил.

– Да, с утречка и соберусь.

– Мне бы ответ ему передать надо, – как-то слишком ласково попросил Тукан. – Не побоитесь?

– Не побоятся, – ответил за жену Грицай. – Она у меня жинка бойкая и смелая.

Наталья Тарасовна вздохнула:

– Что ж, передам вашу депешу. А с Николой нашим ничего не случиться? А то вдруг вы что-то недоброе замышляете, а я вам помогаю.

Наталья Тарасовна неожиданно скривила губы и поднесла носовой платок к глазам.

– Вы, Наталья Тарасовна, не беспокойтесь, – попытался успокоить мать Тукан. – Если они ничего поганого не замышляют, то и нам их трогать зазря ни к чему.

Тукан встал:

– Ну, спасибо за чай и хлеб-соль, хозяева. Мне идти пора. А ответ я завтра принесу.

Отряд ополченцев долго обсуждал ситуацию с запиской от противника. Много кричали, спорили, обсуждали.

– Как бы подлянку нам не подсунули эти хреновы укропы.

– Точно, ведь мы ещё не знаем, чего они хотят...

– Ага, загонят нас за флажки, как волков, и возьмут тёпленькими и упитанными.

– Ну, тебя, Егерь, вряд ли назовёшь упитанным!

Смех, гогот.

– Это правда, мужики, что-то я за последние месяцы отощал.

– А вдруг им на самом деле помощь нужна? – предположил кто-то. – Ведь не хотят они почему-то по связи, открытым текстом говорить, хотя они и волну нашу знают и даже номер сотового командира. Помните, тогда с ним один укропий связывался, лаялся, собака.

Тукан поморщился, и на этот раз его усы показали без десяти два:

– Это и подозрительно... Хотя, может... Давайте вот что сделаем: забьём «стрелку», назначим место и время, а там посмотрим. Если согласятся на наши условия, – а условия должны диктовать мы, потому что не мы, а они просят, – тогда и поговорим.

Ополченцы долго обсуждали, где назначить встречу, и, в конце концов, сошлись на том, что выгоднее всего встретиться на открытой местности, но там, откуда можно контролировать передвижения укропов. В записке нарисовали план и обозначили время встречи. Укропы встречу подтвердили. Весь отряд ополченцы посылались остереглись, маленькой группой тоже идти не решились. Выбрали двадцать человек, для каждого расписали дислокацию и поставили задачу: одна группа в охранение, вторая прикрывала, чтобы в случае внезапного боя не остаться без защиты, третья во главе с командиром шла на переговоры. Не забыли прихватить и кусок грязной простыни, как символ мирных переговоров. Кто-то в самый последний момент предложил:

– Слушай, командир, надо бы прежде сапёров послать, а то вдруг нам сюрпризик приготовили: «лягушек» или, не дай бог, МОНов наставят – покосит всех нас на хрен.

Тукан вынужден был согласиться. Часа через три сапёры вернулись и доложили, что «сюрпризов» на месте встречи нет. Выходить решили ранним утром, часа за три до условленного времени, чтобы присмотреться к обстановке, к местности, где каждое укрытие и каждый кустик могли иметь решающее значение. Хорошим признаком было то, что украинская сторона сегодня впервые не забрасывала село минами и снарядами, даже стрёкот автоматического оружия доносился издалека, не с их стороны, словно в глухом лесу игрался с расщепленным суком дятел. Пока не вышли за околицу, все, кроме фермера с позывным Назар, шли молча. А фермер бубнил:

– И надо нам это! Блукай тут с раннего утра неизвестно зачем. Чего этим майданутым надо, они могли бы и в записке написать, а тут стаптывай теперь ноги, иди не знаю куда, не знай зачем. Лучше бы поспали ещё. А если ещё дождь пойдёт, вымажемся все, а потом отстирывайся.

Но на жалобы Назара никто не реагировал, зная его привычку выговариваться вслух. Вошли в небольшой лесок. Пахло хвоей, с веток листвяка, потолстевших от набухших

почек, капала роса. Молодая трава под ногами в утреннем свете казалось настолько зелёной, что ослепляла своей яркой насыщенностью. Вернулась дозорная группа, которая осмотрела место встречи.

- Ну? - коротко спросил Тукан.

- Тихо, как на кладбище, командир, - ответил чернявый, с шустрыми глазами паренёк.

Скоро дошли до «языка» на краю балки, нависающего над широкой ложбиной, где и была назначена встреча. Солнце уже поднялось над горизонтом, выпаривая горячими мартовскими лучами осевшую на землю, травы и деревья росу, туманная дымка начала заволакивать низины.

- Чего-то их нету, - произнёс кто-то, когда подошло назначенное время.

- Может, раздумали, - отозвался второй.

- Да вон же они, вон! - почему-то прокаркал Егерь, словно ему кто-то пережимал горло.

- Где? Где? - заволновались все.

- Да вон же, за кустами стоят, говорят о чём-то.

- Не вижу.

- А я вижу - трое или четверо.

- Чего они ждут-то?

- А я знаю.

- Мужики, а вон ещё! Ё-мое, это сколько же их!

- Да их тут целый полк, наверно!

- Полк не полк, но рота точно.

- Занять места, приготовится к обороне! - приказал Тукан. - Видно, попали мы, как куры в ошип. Вот, с-с-суки!

Все залегли, защёлкали затворы автоматов и пулемётов. Ждали развития событий.

- Чего ж они стоят? Чего ждут?

Неожиданно из-за кустов показались пятеро вэсэушников и двинулись по балке прямо на отряд ополченцев. Один из них махал руками и что-то кричал.

- Чего он кричит?

- Не пойму что-то - слышно плохо.

- Кажется, «не стреляйте».

- Точно: «мужики, не стреляйте».

- Ладно, пока не будем. Посмотрим, что дальше, - пробурчал Тукан.

Вот переговорщики уже посередине балки, и голос кричавшего слышен всё явственнее:

- Мужики, не стреляйте! Мы пришли просто поговорить. Не бойтесь, мужики! Мы поговорить!

- Смотрите, смотрите, братцы! - закричал матрос. - Да они же не в нас целяться!

И точно, ополченцы вдруг увидели, что все украинские солдаты повернули стволы оружия в сторону своего тыла, словно бы боялись нападения со спины.

- Вот це диво! - воскликнул ополченец с позывным «Хохол». - Они вроде бы нас защищают.

А тем временем парламентарии почти вплотную подошли к позициям ополченцев и встали. Один из них, высокий, костлявый и чернявый, прокричал:

- Мужики, кто у вас старший?

- Зачем тебе?

- Поговорить надо, по душам поговорить. Мои стрелять не будут, не бойтесь.

- А мы и не боимся!

- Это ты у нас на мушке!

- Это правильно, - неожиданно насмешливо ответил парламентарий.

Тукан встал, проворчав под нос:

- Что ж это, получается, что я его боюсь. Летун, Писарь, со мной. Остальным прикрывать.

Вэсэушники встретили группу Тукана молча. Первым протянул руку чернявый старлей, представился:

- Мозговой, командир второй роты.

Мозговому было где-то под сорок, с синюшными щеками и подбородком после бритья, с большими пытливыми эбонитового цвета глазами. Тукан тоже представился:

- Тукан, командир группы ополчения.

- Что, так и звать - Тукан?

- Так и зови. Что, не нравится?

- Да нет, Тукан, так Тукан.

Неожиданно Тукан показал пальцем за спину Мозгового, показывая на вэсэушников, которые испуганно озирались и держали наготове автоматы:

- Вы чего ощерились-то?

Старлей на миг обернулся:

- А, это, видно, испугались мои ребята.

- Кого?

- Да они всех сейчас боятся..

- Понятно. Ну чего звал, старлей?

- Помогите, мужики, - неожиданно просительным тоном заявил Мозговой.

- Вот даже как! - удивился Тукан.

Он окинул взглядом сопровождавших Мозгового солдат. Конечно, и у ополченцев экипировочка была ещё та, можно сказать, гражданско-форменная, собранная из разномастной одежды, но то, что он увидел на атошниках, не подлежало описанию: грязная, расползавшаяся по швам и кое-как неумело зашитая мужскими руками, свисавшая с них лохмотьями; обувь у многих тоже «просила каши». Заметив его взгляд, Мозговой горько усмехнулся:

- Да, командир, вот таким дерьмом снабжают нас наши доблестные волонтеры. Почему, наверно, сам соображаешь: купи дешевле - продай дороже. Веришь-нет, у некоторых форма расползается в первые же дни. Нитки, да и материал, уже сгнили. И откуда берут это дерьмо, непонятно, наверно, ещё со складов Александра Македонского, который, как утверждают наши историки, забредал в наши края, свою историческую родину, - иронично добавил он.

- Значит, помочь, говоришь, - повторил Тукан и тоже иронично спросил: - Может, обмундирование вам подкинуть?

- Нет, дело не в этом, - без обиды ответил Мозговой.

Он вдруг зашарил в правом кармане брюк. Ополченцы насторожились, наставили оружие на парламентёров. Но Мозговой спокойно вытащил кулак из кармана и разжал его. На ладони лежали подсолнечные семечки, старлей предложил:

- Погрызть хочешь?

- Жареные? - поинтересовался Тукан.

- Жареные, вкусные.

- Тогда давай. - Тукан принял семечки, бросил в рот, сплюнул лузгу, подтвердил: - И правда, вкусные. Ну, так чего надо-то?

Мозговой с ответом задержался, видно, обдумывал ответ, затем предложил:

- А давай отойдём, командир.

- Давай, - согласился Тукан.

Они отошли метров на десять в сторону, сели на траву.

- Ведь мы же не враги. Правда? - начал старлей.

- Это как сказать. Сколько вы наших положили, а? - спросил Тукан, цепко вглядываясь в

Мозговой поморщился:

– Слушай, командир, давай не будем считать, вы ведь тоже не из рогаток стреляли.

– Это да! Только мы свои «рогатки» в бою добывали. И не мы, а вы на нашу землю пришли, вы наших матерей и наших детей убиваете! – начал горячиться Тукан, который потерял мать и деда, задохнувшись в погребке.

– Понятно. Видно, мужского разговора у нас не получится. А жалко. – Старлей уже начал подниматься с земли, чтобы уйти. – А мы-то на вас надеялись.

Тукан начал остывать, задёргал губами, отчего его усы заходили вниз-вверх, вправо-влево:

– Ладно, извини, зашкалило что-то меня. Сам понимаешь, любить мне вас не за что. Садись. Так, на что вы надеялись-то?

– Ты уж извини, командир, но без вас, видно, нам никак не обойтись. Ты только не кипятись, выслушай сначала. Воюем мы не по своей охоте, ну кому на хрен нужна эта война! Мобилизовали, дали автомат и сказали: «Вот тебе оружие, защищай родину от сепаратистов». Но мы ж понимаем, что мы с вами родные братья, в одном государстве живём, простому народу на хрен не нужна эта братоубийственная война. Моих ребят по всей Украине ловили, чтобы вручить повестки. Кому прямо у станка эту бумажку всучили и предупредили, что если будет отлынивать от службы, то без работы и, естественно, без зарплаты останется. А у того семья, дети, кредит. Кого-то на дороге гаишники остановили, кому-то, не поверишь, повестку в бане вручали. А если откажешься, то мало того, что с работы выгонят или бизнес прижмут, так, не дай бог, ещё и пособником сепаратистов объявят. А это уже статья, тюрьма, а у многих семьи, дети. Ты понимаешь?

– А в твоей роте все такие?

– Все, – твёрдо ответил Мозговой. – Те, что идейные, они давно в нацбатальонах служат. Меня вот тоже с запаса выдернули, сказали: «Или идёшь в АТО, или сядешь». Обещали, что антитеррористическая операция против Донбасса продлится не больше трёх месяцев.

– Ишь, какие вы быстрые! Наверно, не ожидали, что шахтёры, учителя, шофера поднимутся, наверно, думали, что они будут спокойно смотреть, как их детей и матерей станут танками давить, как...

– А мы уже восемь месяцев в окопах вшей кормим! – перебил Мозговой. – И мои ребята уже готовы отсидеть в тюрьме, лишь бы вырваться отсюда.

– А кто вам мешает? Сели бы на автобусы, на поезда – и ту-ту!

– В том-то и дело, что не можем.

– Почему? Ведь ты сам говоришь, что призывали на три месяца, все сроки прошли, и, если даже домой вернёшься, ничего вам не будет.

– Да ты пойми, – закричал Мозговой, – нас со всех сторон заградотряды обложили, как волков флажками, никуда не рыпнешься. Если что – сразу объявляют дезертирами и расстреливают.

Тукан долго молчал, потом проворчал:

- Слышал про это, но не верил. Правосеки, что ли?

- Они, суки бандеровские!

- И расстреливали?

- Из моей роты троих губошлёпов шлёпнули, а им и было-то по восемнадцати лет. К мамкам захотели, дурачки.

- Да, эти правосеки идейные, майданутые, с ними не договоришься. Слушай, Мозговой, звать-то тебя как?

- Борис.

- А меня Алексей. Помочь-то я бы вам хотел, и нам хлопот было бы меньше. Но как?

- Да очень просто. Я тут обмозговал и придумал вот что. Эти «ПС»ы хоть и идейные, но трусливые – ужась! Чуть обстрел, они сразу в окопы, в блиндажи ныряют. Они мастера только в спины стрелять.

- Ну? – подстёгивал Тукан.

- Я со своими ребятами разговаривал – ни один не хочет воевать против единокровных братьев. Им эта война вот где! – И Мозговой рубанул ребром ладони по своему острому кадыку. – Одним словом, всё хотят слинять отсюда, и как можно скорее. А «ПС»ы, как ты понимаешь, просто так нас не пропустят, у них кругом блок-посты, заслоны.

- Ты давай ближе к делу, Борис, – напомнил Тукан.

- Так вот. Я знаю, что у вас стопятидесятимиллиметровые орудия есть, танки тоже. Вдарили бы вы по «ПС»ам, ну, шухер, так сказать, устроили, а мы бы с ребятами, пока правосеки по щелям прячутся, под шумок и ушли бы. Место отхода мы уже определили, там мы спокойно просочимся, уйдём к железнодорожной станции и уедем.

- Мысль, Боря, твоя понятна. А если вас всё-таки снова поймают, а? Расстреляют ведь.

- Теперь уж вряд ли, да и ребята мои на всё готовы. Каждый себе уже схрон наметил: кто-то в Европу уехать хочет, кто в Россию, а кто у родственников спрятаться.

- А к нам? – вдруг задал вопрос Тукан.

- Чего «к вам»? – не понял Борис.

- Ну, к нам перейти не желаете?

- Нет, брат, извини – рискованно.

- Чем же? Какая разница, за кого воевать. У нас и платят неплохо.

- Всё так, только если наши эсбэушники об этом узнают, то всех родственников замордуют, да ещё объявят их пособниками сепаратистов. А так я один виноватым буду. Нет, уволь.

– И правильно, – согласился вдруг Алексей. – Мотивации воевать за нас у вас ноль. Мы хоть землю свою, семьи защищаем, а вам душой и зацепиться здесь не за что. – Командир встал. – Ладно, поможем, с командиром артдивизиона я договорюсь. Ты координаты этих «ПС»ов давай, помажем их немножко по нашей матушке-земле, тонким таким слоем, чтобы незаметно было.

Мозговой дал координаты расположения загранотрядов, определились со временем, крепко пожали друг другу руки и разошлись, как Алексей вдруг крикнул:

– Эй, Борис! – И помахал ему призывно рукой. – Подойди.

Мозговой подошёл.

– Чего?

– Давай, я тебе запишу номер моего телефона.

– Зачем?

– Как устроишься, позвони мне. Интересно же, как пройдёт наша операция по освобождению моего врага. – Тукан захохотал.

Когда отряды противника стали расходиться, кто-то из группы Тукана вдруг закричал:

– Командир, смотри, к нам кто-то бежит.

– Где?

– Да вон же, по ложбинке, где ручей течёт.

Отряд увидел, как справа, от русла небольшого ручья, заросшего по берегу тальником, бежит солдат, размахивает руками и что-то кричит. Что кричал солдат, с такого расстояния было не разобрать, но чем ближе он подбегал к группе, тем явственнее доносились слова:

– Эй, подождите меня! Братцы, подождите! Я с вами! Я с вами! Стойте, стойте!

Вот солдат подбежал и согнулся в полупоклоне, чтобы перевести дух. Отдышавшись, начал говорить:

– Мужики, я с вами. Я к вам.

– Ты кто? – спросил Тукан.

– Я... Я Николай. Николай я, Горбик. Тут мать моя живёт, отец, дед. Я с вами.

Командир сморщил лоб:

– Подожди, подожди, так это твоя мать передавала нам записки от твоего командира?

– Ага, она, нянька моя.

– Что, под мамкину юбку спрятаться решил, атовец хренов? – спросил кто-то зло из ополченцев.

- Нет-нет, мужики, я с вами, воевать буду.

- Ну, если воевать, то пошли.

В назначенный день и час два артиллерийских орудия и три танка дали по заданной цели десяток три залпа, благо, что повод был, потому что укропы во внеурочное время начали забрасывать двадцатимиллиметровыми минами не только позиции ополченцев, но и дома мирных жителей. Несколько дней никто не знал, как прошла совместная, украинско-донецкая, операция по прикрытию дезертирства атошников.

Однажды сотовый телефон Тукана запел песню «Спят курганы тёмные». Номер телефона был незнакомым. Алексей ответил:

- Алло, кто это?

- Привет, командир, это я, ну, тот, кто обещал тебе позвонить. Помнишь нашу встречу в балке?

Тукан понял, что разговаривает с Мозговым Борисом:

- А, привет. Как всё прошло? А то мы тут согрелись, понимаешь, можно сказать, перемирие нарушили, а ради чего, не знаем.

- Всё хорошо, брат. Птенчики все выпорхнули из чужого гнёзда. Правда, куда они потом разлетелись, не знаю.

- А ты как устроился?

- У меня всё нормально, я с семьёй уже у родственников, у «оккупантов», ищу работу. Вот, решил сказать тебе спасибо.

- Да не за что. Если приспичит, обращайся ещё.

[Александр НИКОНОВ](#) - 14 апреля 2017

<http://webkamerton.ru//2017/04/doneckie-rassказы>